

и нам, и мы должны давать ей выход, избрав для этого соответствующие формы (Роберт Шекли, из книги «Проблема туземцев»).

Объяснительная водителя автобуса: «Продавал билеты сам, потому что кондуктор был настолько пьян, что постоянно путался в сдаче. Пришлось ненадолго посадить его за руль» (Михаил Задорнов).

Не стесняйтесь уступить старшему место в трамвае. Стесняйтесь – не уступить (Марина Цветаева).

– Пресвятая Дева Мария! – воскликнула графиня. – Деятнадцатый век, а в Москве до сих пор проблемы с городским транспортом! (Лев Портной).

Теперь, когда люди перестали любить друг друга, они предпочитают проводить два часа в одиночестве в своих клетках на колёсах, нежели полчаса в автобусной давке (Раф Валле, из книги «Прощай, полицейский!»).

Транспорт совсем от рук отбился, остаётся одно – принять ислам и передвигаться на верблюдах (Евгений Петров, Илья Ильф).

УДК 82.7.73

М. Н. ЧЕРКАСОВА

*Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону*

ЕДИНСТВО И ПРОТИВОРЕЧИЕ ЯЗЫКОВОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОВЕСТИ В. ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»

Повесть «Желтая стрела» относится к раннему периоду творчества (1993 г.) Виктора Пелевина – представителя Русского классического пострефлексивного постмодернизма», поп-арта, постреализма [1]. «Желтая стрела» – образец антиутопического произведения, в центре которого обычный человек (Андрей) и тоталитарная система (в произведении – это само пространство поезда «Желтая стрела»). Принцип тотальной симуляции характерен для «постмодернистского восприятия мира как текста» [1, с. 56].

Если проанализировать языковые средства создания такого мира симулякров, то они, согласно теории Платона, представляют собой копии копий. С этим и пытается разобраться человек рефлексирующий, которому говорят: «нормальный пассажир никогда не рассматривает себя в качестве пассажира», и ему никогда не придет в голову мысль, что с поезда можно сойти, т. к. стук колес является самым родным и привычным звуком. Пелевин приводит аллегории и открывает для читателя неожиданные языковые

ракурсы, которые, с одной стороны, очевидны и естественны, а с другой – необычны и неестественны. Например, один и тот же звук – в нашем случае стук колес – преподносится как нечто необычное. Автор приводит своеобразный ироничный научный текст о стуке колес под названием «Тотальная антропология».

Язык повести остается предметом исследования литературоведов и лингвистов с точки зрения концептов и системы образов нарратива, репрезентации которых представлены в произведении. Нельзя не согласиться с мнением С. С. Шляховой [2] по поводу центральной линии повести, которая терминирована как «тотальная инверсия». Эта мысль развита А. Джундубаевой [3] до понятия «концептуальной инверсии», рефлекслирующей в аксиологической системе современного общества, которая подразумевает трансформацию основных жизненных ценностей: зло – добро, свет – тьма, белое – черное и т. д. В произведении В. Пелевина отражается современный мир, заключенный в рамках движущегося поезда, но поезда, который идет не в определенный пункт назначения и который будут ждать и встречать, с которого сойдут одни пассажиры и в который войдут другие, а поезда, несущегося к разрушенному мосту. Таким образом, движение транспортного рельсового средства осуществляется по стопроцентно опасному маршруту, подразумевающему неэксплуатируемую часть железнодорожного полотна, и поезд «Жёлтая стрела» заранее обречен. Но при этом пассажиры самого поезда относятся к этому совершенно равнодушно, так как для них нет ничего, кроме поезда: в нем рождаются, живут, умирают, воруют, спекулируют, обманывают, любят.

Писатель демонстрирует различные прослойки общества со своими интересами и законами (наперсточники, спекулянты, воры): *«Если я хоть один рулон дешевле продам, меня в окно живьем выбросят. Я говорю, мазы нет; по понятиям провел? С базара съехал...; ложка заточенная»*, поезда бизнесмены: *«валюта-рубли-валюта»*, интеллектуалы: *«иерархия демиургов, гностицизм, копрофагия, концептуализм, постмодерн»* и т. д.

Остановимся на ключевой линии повести – концептуальной инверсии (по А. Джундубаевой). Термин инверсия (от лат. *inversion* – переворачивание, перестановка) подразумевает обратный порядок чего-то привычного, нормального, устоявшегося. Самым ярким примером инверсии в повести является цифровое обозначение глав, с 12 по 0. Отметим, что в повести 13 глав. Числа 12 и 13 имеют символическое значение: 12 апостолов, или учеников Христа, тринадцатым был сам Иисус Христос на Тайной вечере. Но при этом число 13 во многих культурах считается несчастливым. В русском языке сохранилось название числа 13 в выражении «чертова дюжина».

Эта цифровая инверсия задает обратный ход или отсчет повествования, но сам поезд «Желтая стрела» движется вперед, «растворяясь» в рамках за-

данного железнодорожного дискурса (подстаканники, локомотив, плацкарта, купе, вагон, железные дороги Индии, эшелон, штабной вагон, стыки рельсов, платформа, проводник и т. д.), что коррелирует с объявлением на вокзале об обратной нумерации вагонов – нумерация с хвоста поезда. На наш взгляд, писатель объединил противоречивые сущности (движение вперед, осуществляемое поездом, и отсчет назад, репрезентирующийся графическими цифровыми изображениями).

Наиболее ярко целостный противоречивый мир «Желтой стрелы» представлен примерами 1 и 2, в которых противоречивость и одновременная целостность повествования проявляется авторскими образами.

Пример 1: «1) **Прошлое** – это локомотив, который тянет за собой **будущее**. Бывает, что это прошлое вдобавок чужое. Ты едешь спиной вперед и 2) **видишь только то, что уже исчезло**. А 3) **чтобы сойти с поезда, нужен билет**. Ты держишь его в руках, но кому ты его предъявишь?» [4].

Антонимическая пара «прошлое – будущее», в которой локомотив не может тянуть будущее, так как оно впереди, а тянут то, что сзади, дополняется семантической игрой: видишь то, что исчезло и нельзя увидеть то, чего уже нет, выходит на логически неверное предложение: чтобы зайти в поезд и занять свое место нужен билет, который не нужен при покидании вагона, но в реальности просят сохранять билеты до конца поездки.

Пример 2: «*PS. Все дело в том, что мы постоянно отправляемся в путешествие, которое закончилось за секунду до того, как мы успели выехать*» и содержит логически неверное предложение: что-то закончилось еще до того, как началось.

Выделенные приемы создания образной характеристики утопического тоталитарного мира на примере жизни пассажиров поезда «Желтая стрела» демонстрируют целостную картину с одновременным противоположным семантическим, логическим и культурно-историческим потенциалом, заложенным В. Пелевиным в рассмотренной повести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1 Бобылева, А. Л. Антиутопический пафос и специфика хронотопа в ранней прозе В. О. Пелевина / А. Л. Бобылева, Т. Г. Прохорова // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – Т. 156, кн. 2. – 2014. – С. 55–64.

2 Шляхова, С. С. Семиотика звука в повести В. Пелевина «Желтая стрела» / С. С. Шляхова // Вестник ОГУ. – 2005. – № 11. – С. 51–55.

3 Джундубаева, А. Трансформация духовных ценностей в повести В. Пелевина «Желтая стрела» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bazhum.muzhp.pl/czasopismo/907/?idvol=14241>. – Дата доступа : 02.05.2023.

4 Пелевин, В. Желтая стрела [Электронный ресурс] / В. Пелевин. – Режим доступа : <https://magazines.gorky.media/library/viktor-pelevin-zheltaya-strela-povest>. – Дата доступа : 02.05.2023.